
**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ
КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ ОНИМА
(на примере анализа функционирования онима *Смердяков*
в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)**

Е.Г. Луговская

Кафедра функциональной лингвистики
Приднестровский государственный университет
ул. 25 Октября, 128, Тирасполь, Приднестровье, MD-3300

В статье предлагается описание способов актуализации культурного компонента значения слова на примере анализа функционирования онима *Смердяков* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В современном мире происходит активный обмен культурно-языковыми ценностями, что приводит, с одной стороны, к расширению общекультурного контекста интерпретации культурно-исторической информации, заложенной в том или ином языке, а с другой, к затемнению национально специфических смыслов.

Глубина и адекватность восприятия реципиентом имени собственного как культурно-коннотированной лексической единицы, фоновый потенциал которой заключен в специфической части коннотативного значения, называемого культурным компонентом значения, предопределяется наличием у него фоновых знаний. С этой точки зрения все большую сложность для восприятия и интерпретации представляют функционирующие в литературно-художественных текстах классической русской литературы культурно-коннотированные слова, к которым в первую очередь относятся так называемые говорящие фамилии. Выбор имени для литературного героя как модели личности, представляющей собой совокупность отобранных писателем признаков, является необходимым условием языковой презентации персонажа, его структурообразующим компонентом. Восприятие и интерпретация художественного текста как особой формы социально значимой речевой деятельности предполагает обязательный учет общекультурного контекста литературного произведения, благодаря которому можно выявить семантику имени персонажа и ее связь с общим замыслом произведения. Актуализация семантики онима, который, как правило, является производным, происходит за счет введения в текст мотивирующего апеллятива, на базе которого он образован. Намеренное включение апеллятива-актуализатора в текст произведения является языковой универсалией, отражающей стремление разных народов к фиксации мотивированной единицы языка.

Для русской литературной традиции характерно использование так называемых говорящих фамилий, наличие которых исследователи отмечают и в произведениях Ф.М. Достоевского, когда фамилия, а часто и имя персонажа становятся элементом его характеристики. Показательна в этом отношении фамилия

персонажа романа «Братья Карамазовы» *Смердяков*. Оним, как и сказано в романе, происходит от слова *смердящий*, то есть *вонючий*: *...Впоследствии Федор Павлович сочинил подкидышу и фамилию: назвал он его Смердяковым, по прозвищу матери его, Лизаветы Смердящей*. Но если в имени матери Смердякова понятие «смердящая» имело только буквальное значение, то фамилия *Смердяков* обретает глубоко символический смысл в определенном контексте: именно *Карамазов Федор Павлович* сочинил имя *Павлу Федоровичу Смердякову* (Карамазов Федор Павлович — Павел Федорович Смердяков — своеобразный словесный палиндром). В семантическое поле слова *вонючий* входит понятие *грязный*, которое имеет в русском языке широкую употребительность в составе метафорических сочетаний с общей семантикой *‘запачканный, нечистый, безнравственный, аморальный’*. Интересно и то, что прозвище Лизаветы — Смердящая, то есть *воняющая* — выражено причастием, значение которого воспринимается только буквально (*та, от которой воняет*), тогда как словообразовательной основой лексемы *Смердяков* (не *Смердяцев*) представляется *смердяк(а)* (по словообразовательному типу разговорных *гуляка, вояка*) — тот, который воняет, смердит, то есть *вонючий*, а метафоричность этого прилагательного должна осознаваться носителями русского языка.

Не менее информативным оказывается анализ мотивирующей основы лексемы *Смердяков* — «смерд». По В.И. Далю [2], отличительным признаком этого представителя «особого сословия рабов» является отсутствие «своей земли». Учитывая то, что носитель анализируемой фамилии Смердяков жил в городе Скотопригоньевске, для нас наиболее важным оказывается та часть дефиниции, которая касается особенностей, релевантных для городского смерда, а именно «домовая прислуга», которая совпадает с социальным статусом этого персонажа в романе. В словаре Д.Н. Ушакова [8] в качестве производного от *смерд* находим глагол *смердеть*, для семантики которого базовой оказывается сема *‘смерд, вонь’*, актуализированная и в пословицах *Как смерд ни умывается, а все грязью завалается. Как смерд ни моется, а все смердит*. Коннотации данного слова отчетливо эмоционально отрицательные — пометы *презрительное, ироническое*, иногда *бранное* также оказываются определяющими для идиом, которые приводит В.И. Даль в статье к слову *смердеть*: *Смерда взгляд пуще брани; И медом не пои, только смердом не брани (не зови) — о дворне; Смердом жить не хочется, а дворянином жить не сможет; Где смерд думал, тут бог не был — об умничанье прислуги; Временем и смерд барыню берет*.

Смыслы, заложенные в народной мудрости, актуализированы Ф.М. Достоевским в образе Смердякова: это и особое внимание к описанию взгляда Смердякова: *«насмешливо глядел на учителя [Григория]»; «было во взгляде его что-то высокомерное»; «глядел так же косо»; «глядел с уверенностью, почти строго, взгляд Смердякова, решительно злобный, но и даже надменный»; и высказанная им обида на то, что «они [Иван Федорович] про меня отнеслись, что я вонючий лакей», и несбыточная мечта Смердякова — «Была бы в кармане моем такая сумма, и меня бы здесь давно не было. <...> Я, положим, только бульонщик, но я*

при счастье могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке...», и встречи с «хозяйки здешнего домика» дочерью, «которая из Москвы приехала, платье со шлейфом носит и за супом к Марфе Игнатьевне ходит», и, наконец, та ересь («там бог не был»), до которой «додумался» Смердяков: «раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут греха не будет». Такой прием актуализации фамильного антропонима основан на соответствии семантики мотивирующего и мотивированного и легко осознается носителями языка даже без обращения к толкованию слова.

Проблема восприятия и интерпретации онима возникает в том случае, если в его структуру входят понятия и образы, основанные на недифференцированных ощущениях, что отражается в их языковой репрезентации. Опосредованная мотивированность онима требует не только обращения к актуализирующему апеллятиву, еще более сложным является процесс осмысления значений идиом, входящих в ассоциативно-семантическое поле онима и соотнесение их значений с именем персонажа в рамках культурно-исторической традиции данного языка и нравственно-эстетического задания автора. Фразеологизмы традиционно представляют особую сложность для восприятия и верной интерпретации, а метафоризация значения мотивирующего апеллятива *смерд*, представленная в пословице *Смерд — что куколь: сверху сер, а нутром бел*, представляет собой расширение коннотации лексемы, что может быть осмыслено только после расшифровки значений всей совокупности слов, составляющих ассоциативно-семантическое поле понятия *куколь*. Данные в дефиниции лексемы *путик, чернуха, головня, плевел, роженец* представляют собой разные названия одного и того же или похожих растений, общим признаком для которых является то, что растения эти сорные, приносящие вред хлебным злакам; для некоторых актуально наличие запаха, а наличие переносного значения позволяет актуализировать сему 'вред' как базовую. В таком контексте идиоматическое сравнение *Смерд — что куколь: сверху сер, а нутром бел* акцентирует несоответствие внешнего и внутреннего как отрицательно оценочное, а *белотелость* трактуется как *бесплодность (пустота)* и *вредность*.

Наряду с приемом прямого соответствия внутренней формы фамилии характеру действующего лица в романе использован прием контраста: фамилия противоположна по содержанию описанию художественного образа. Сема 'грязь', выделенная в ониме *Смердяков*, ярко проступает на фоне авторской характеристики этого персонажа как *чистоплотного юноши*. Однако более внимательное рассмотрение контекста употребления лексем, содержащих сему 'чистота' в дискурсе Смердякова, приводит к удивительным выводам. Впервые сема 'чистота' используется автором в характеристике Смердякова «чистоплотный юноша» в лексическом окружении дополнительных дефиниций «брезгливость» и «барчонок». В таком контексте значение слова «чистоплотный» осознается как 'привередливый, избалованный, тщеславный'. Авторские описа-

ния, характеризующие Смердякова как чистоплотного человека во всех смыслах этого слова, локализованы в главе, которая так и называется «Смердяков», причем вначале указывается на его опрятность, а затем на честность. Мотивирующей основой эпитета *чистоплотный* является *чистый* с семантикой '*незамаранный, незагрязненный, непачканный; без примеси, подмеси, ровный и сам по себе; ясный, светлый, блестящий*', противоположное '*мутный, тусклый; прозрачный, сквозистый, без туска или темных пятен*' и метафорическим значением '*непорочный; прямой, добросовестный, нелицемерный*'. Важной составляющей значения лексем словообразовательного гнезда с корневой морфемой *чист-* является требование соответствия внешнего и внутреннего, что отражено как в прямых, так и переносных значениях приведенных слов, хотя в значении лексемы *чистоплотный* внимание акцентировано в первую очередь на внешнем аспекте чистоты, а именно чистоты человеческой *плоти*, что акцентуировано и в идиоме *Смерд — что куколь: сверху сер, а нутром бел*. Словарь синонимов помогает выстроить такой синонимический ряд: **чистоплотный** — **чистый**, *белый, белотелый, белойой, опрятный, чистоплотный, прозрачный; беспримесный, бессорный*. Лексико-семантическое наполнение этого ряда вновь относит нас к рассмотренной выше лексеме *куколь*, для семантики которой актуальны семы '*сорный, вредный*', противоречащие семам '*бессорный*', '*беспримесный*', а характеристика *белотелый* относит нас к актуальному *чистоплотный*. В словаре В.И. Даля [2] в статье «**ЧИСТЫЙ**» находим любопытное замечание: семантика '*чистоплотный, опрятный человек; иногда щеголек, франт, или неженка, белоручка, или привередливый, брезгливый*' входит в состав значения шуточного *чистоплюй*. То же слово в словаре Д.Н. Ушакова [8] также содержит основные семы '*чистоплотный*' и '*брезгливый*'. В текстах дискурса Смердякова дважды встречается лексема «щеголь». Использование номинации «барчонок» в семантику которого входят такие элементы значения как '*тщеславие*', '*властолюбие*', а семантическое поле расширено с учетом семантики производных глаголов *бариться, барничать, барствовать* [2], по отношению к лакею позволяет автору углубить уже отмеченное выше то несоответствие между внешним и внутренним, между поведением и сутью номинируемого персонажа, которое еще ярче проявляется при соотнесении с основной характеристикой Смердякова *чистоплотный*, предполагающей, как было отмечено выше, обязательное равновесие между внешним и внутренним. Семантическое поле второй дополнительной к определению Смердякова как человека чистоплотного дефиниции «брезгливый», пересекаясь с семантическими полями лексем '*чистоплотный*' и '*еда*', '*пища*' (причем последнее осознается как прямое указание на специальность Смердякова (*Поваром он оказался превосходным*)), только в части внешнего проявления указанных свойств, устанавливает несоответствие между внешним (плотской, телесной чистотой) и внутренним (духовной чистотой), с явным преобладанием первого, как определяющее для структуры образа Смердякова (*чистоплотный юноша* (чистая плоть), *в чистом сюртуке и белье* (чистая одежда и чистое белье)). «Чистоплотность» Смердякова, проявившаяся поначалу в виде брезгливости и поддерживаемая в дальнейшем особо тщательным его

отношением к одежде и внешности (*жалованье Смердяков употреблял чуть не в целости на платье, на помаду, на духи и проч.*), в конечном счете сводится только к желанию Смердякова выглядеть, казаться чистым, а не быть таким, желанием замаскировать грязь, некрасивость, неродовитость с помощью одежды, ваксы, помады, духов. Необходимо отметить, что сема 'чистый' в описаниях Смердякова используется и в значении «вычищенный», то есть изначально 'грязный': *«тщательно вычищал сам щеткой свое платье неизменно по два раза в день, сапоги свои опойковые, щегольские, ужасно любил чистить особенною английскою ваксой так, чтоб они сверкали как зеркало»* (ужасно любил (катахреза), чистить ваксой = 'чернить' (катахреза)) — обращает на себя внимание и значение преувеличенности, особой тщательности совершаемого ритуала; а лексемы 'помада', 'духи' как средства достижения чистоты актуализируют важную для семантики онима Смердяков сему 'запах'. Введение в текст мотивирующего апеллятива актуализирует коннотативно-оценочную семантику производного на его базе онима, который образует ассоциативное поле 'запачканный, нечистый, безнравственный, аморальный', увеличивая тем самым семантическую глубину художественного текста. Сема *нечистоты* поддерживается используемыми самим Смердяковым фразеологизмами *убьет как муху; за мошку почитали*; лексема 'муха' в которых приобретает в контексте развития образа Смердякова дополнительную коннотацию благодаря ассоциациям муха—мертвечина—вонь, муха—грязь, а с учетом утверждения Л.В. Карасева [4] о том, что мухи — это еще не тлетворный дух, но это уже явный намек на него, возвращает нас к вопросу о мнимой, «театральной» чистоплотности этого персонажа. Таким образом, апеллятив *смерд* может быть интерпретирован с точки зрения трех различных семантических полей, сочетание которых позволяет рассматривать его как символ, то есть знак, для которого связь между формой и содержанием устанавливается в контексте творчества Ф.М. Достоевского именно для данного знака, форма которого сама по себе не дает полного представления о содержании. Это, во-первых, семантическое поле, мотивированное производным *Смердящая*, и семантическое поле переносного значения слова «вонючий»; во-вторых, это семантическое поле, мотивированное морфемой *смерд-* и значениями, содержащимися в богатой русской идиоматике; в-третьих, семантическое поле лингвистических номинаций и дефиниций экстралингвистических факторов жизни персонажа; и, наконец, семантическое поле фонетического восприятия лексемы *Смердяков*, в составе которой слышится *смерть*.

Для адекватного понимания имплицитных смыслов, заложенных автором художественного произведения в имени персонажа, необходим лингвокультурологический подход, учитывающий специфику непосредственной и опосредованной мотивированности онима, осознаваемой только благодаря лингвистическим способам анализа этимологии, фонетических, словообразовательных, лексико-семантических компонентов значения, и ассоциативно-семантических особенностей контекстуального и языкового функционирования данной языковой единицы. Такой подход позволит актуализировать культурно значимые единицы, находящиеся в пассивном запасе языка, и реализовать потенцию функции

хранения и передачи национального самосознания, традиций, истории народа, что актуально в современных условиях интенсификации международного общения, взаимодействия и взаимопроникновения культур.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1929.
- [2] *Даль В.И.* Издание 1863—66 гг. — Russ Portal Company Ltd., 2001.
- [3] Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1984.
- [4] *Карасев Л.В.* О символах Достоевского // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 90—111.
- [5] *Караулов Ю.Н., Гинзбург.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении. — <http://slovari.donpac.ru/cgi-bin/slovari/ivoc/ru/dost.pl>.
- [6] *Ожегов С. И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1996.
- [7] Словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Изд. 1935—1940 г. — Яндекс (электронная версия), 2007.

THE PROBLEMS OF LINGVISTIC ACTUALIZATION IN SEMANTIC CULTURAL COMPONENT SMERDYAKOV'S PROPER NAME

H.G. Lugowska

Functional linguistics' department
Pridnestrovskij State University
25 Oktyabrya str., 128, Tiraspol, Pridnestrovje, MD-3300

The proper name of personage is connected with associative field of literary and cultural context. In the report the name of Smerdyakov is analysed. Various peculiarities of analysis are disclosed in the present report. The article contains the results of research of database in Smerdyakov's proper name along with the influence of cultural and poetic contexts.